

8 декабря 1991 года в Беловежской пуще руководители России, Украины и Белоруссии подписали Соглашение о создании Содружества независимых государств. Через четыре дня лидеры республик Средней Азии и Казахстана выразили готовность стать его равноправными членами. 21 декабря главы 11 независимых государств в Алма-Ате подписали декларацию, в которой было заявлено: “С образованием СНГ СССР прекращает своё существование”. Этому предшествовало совещание в союзном Министерстве обороны, на котором министры обороны суверенных государств, ещё составлявших СССР, договорились о долевом участии в формировании военного бюджета страны, хотя уже тогда Украина твёрдо заявила о намерении создавать свою армию. Участники совещания не пришли к единому взгляду по вопросам обороны и безопасности. Ясность в вопрос не внесла и встреча глав государств Содружества, прошедшая 30 декабря в Минске. Принципиальным решением, принятым на ней, явилось лишь то, что ВМФ был отнесён к стратегическим силам, решающим задачи в интересах всего СНГ. Однако практически сразу Украина интерпретировала достигнутое решение в свою пользу, объявив, что всё находящееся на её территории принадлежит только ей, в том числе и Черноморский флот (ЧФ).

И дело не только в “плохих украинцах”, а в том, что практически весь ЧФ со своей главной базой в Севастополе за очень малым исключением оказался на её территории и в её правовом поле, как, впрочем, и три военных округа. Списал флот со своих счетов и Генштаб в Москве, сняв его со всех видов довольствия и передав Украине флотских строителей, а также части центрального подчинения. По взаимной договорённости президентов, Украине были переданы территориальные органы КГБ, что обрезало для России информацию с мест, так как эти органы сразу же стали служить новым хозяевам.

Российская сторона ничего не оспаривала: судьба флота, как и трёх округов, решалась таким образом, что они становились украинскими. Это определили решения в Беловежской пуще – границы суверенных государств

располагались по административным границам республик, то есть Черноморский флот «уплывает» за границу. Чтобы официально это зафиксировать, требовалось одно – принять присягу на верность Украине.

Выходило, что Россия, имевшая протяжённую черноморскую акваторию, почти полностью теряла свой Черноморский флот. Кто-то должен был сказать командующему флотом, что делать в этой ситуации. По Конституции СССР, а другой тогда не существовало, Верховный главнокомандующий или министр обороны. Однако никто ничего не говорил, хотя время стремительно сжималось, и не с кем было посоветоваться. Указания же вроде «соблюдать спокойствие» или «не поддаваться на провокации» в этих условиях не действовали ввиду своей неактуальности.

События развивались так быстро, что обычно улыбающийся министр обороны СНГ маршал авиации Е. Шапошников улыбаться перестал. 11 декабря в Киеве было объявлено, что ЧФ – украинский. 30 декабря 1991 года после Минской встречи руководителей стран СНГ, где по Черноморскому флоту не было принято никакого решения, единственное, что сказал мне министр, так это: «Держись, Игорь!» – а фактически оставил меня один на один с внезапно возникшим и утверждающим себя государством, законы которого уже входили в полную силу.

Как командующий флотом я доложил в Москву обо всех действиях Украины, но опять не получил никаких указаний. В этих условиях, опираясь на поддержку большинства сослуживцев, которым ранее изложил свою позицию, принял самостоятельное решение: руководствуясь интересами России, воинским долгом, ответственностью перед севастопольцами и подчинёнными, не выполнять новые законы Украины, директивы её президента, приказы её Министерства обороны в части перевода Черноморского флота под её юрисдикцию.

Безусловно, в украинском Минобороны служили не новички-экспериментаторы, а опытные люди, рассчитавшие свои действия далеко вперёд, опиравшиеся на деятельность спецслужб, националистически ориентированный госаппарат и СМИ. Был приведён в действие огромный механизм, который на тот момент не сработал именно потому, что с нашей стороны он столкнулся с сопротивлением.

Это сопротивление, когда уже не только в Киеве, но и в Вашингтоне списали со счёта ЧФ как флот России, меняло военно-стратегическую ситуацию вспять. Россия опять обретала силу не только на юго-западном (балканском) направлении, но и на кавказском. Эта информация через СМИ сразу же дошла до правительств заинтересованных государств и общественного мнения.

У нас же возникало много вопросов. Например: почему Российское государство не подкрепит наши действия документом, например, президентским указом, нотой МИДа, директивой министра обороны или хотя бы начальника Генштаба? Ведь аналогичные документы со стороны Украины были изданы и озвучены. Анализ принятых к тому времени соглашений по СНГ свидетельствовал, что алма-атинские и минские документы с точки зрения интересов России были слабо проработаны юридически, в них отсутствовали обязывающие межгосударственные гарантии, что позволяло Украине трактовать их положение на свой лад.

Оказавшись в правовом поле Украины, я так и не получил от России поддержки – ни политической, ни законодательной, ни дипломатической, ни ведомственной. Москва же поддалась на иллюзорную идею: государства суверенные, а армия единая, и пять месяцев, до 5 мая 1992 года, ею руководствовалась. На то время у нас не было концепции национальной безопасности, и даже не предполагалось, что место конфликта идеологий займёт конфликт интересов. Более того, в России не была налажена система взаимодействия госструктур и гостинститутов, поэтому чиновники даже не удосуживались отвечать ни на одну мою тревожную телеграмму. Обстановку усугубляло и то, что в Киеве, Крыму, Севастополе и... в Москве определённые круги предвкушали беспрецедентный передел собственности, в том числе разветвлённой инфраструктуры ЧФ.

Срок принятия присяги был назначен на 30 декабря, затем перенесён на 3 января 1992 года. До этой даты Россия просто обязана была принять решение по флоту – самостоятельное или совместно с Украиной, но необходим был документ. В Украине законодательные акты по ЧФ принимались практически без промедления, часто поспешно. Все госструктуры работали в этом направлении – правительство, Верховный Совет, Минобороны, структуры безопасности, Генеральная прокуратура, судебные органы. Все.

Будучи брошенным вместе с флотом на произвол судьбы, я выделил для себя следующие неотложные вопросы:

1. Всеми средствами убедить президента России принять в отношении флота новое политическое решение, выдержанное в духе заявления: “Черноморский флот – российский!”

2. Продумать меры по выводу ЧФ из правового поля Украины и в этот переходный период удерживать флот от принятия украинской присяги и способных возникнуть в связи с этим центробежных процессов.

3. Наладить переговоры России и Украины на высоком уровне для выработки договорно-правовой базы по решению судьбы флота.

4. Обеспечивать боеготовность флота, его целостность как военного организма, представляющего ценность для России.

И, не скрою, думал о том, как уцелеть самому, поскольку “игры” с государством в одиночку всегда чреватые.

Наступило 3 января 1992 года. В этот день все в Москве словно попрятались, никто не снимал трубку телефона, а если кто-то из подчинённых и делал это, то не мог вразумительно объяснить, где начальство. Между тем счёт времени уже шёл на часы, и могла наступить точка невозврата. Реализуя решения Верховного Совета Украины, в этот день вся огромная 700-тысячная группировка советских войск на Украине начала принимать присягу. Это касалось и ЧФ.

Военные округа сразу же “легли” под присягу. Командующий войсками Прикарпатского ВО В. В. Скоков был вызван в Киев. Одновременно из Киева во Львов вылетел генерал ему на замену с текстом украинской присяги и Указом президента Украины о назначении нового командующего. Скоков в воздухе развернул самолёт обратно во Львов, но там его уже как иностранца не пустили в штаб округа. Командующий войсками Киевского ВО В. С. Чечеватов – умный, талантливый руководитель – был скомпрометирован, и его, по сути, предал Военный совет округа, единодушно приняв присягу. Что же касается командующего войсками Одесского военного округа И. Ф. Морозова, то он принял условия украинской стороны. Без возражений украинскую присягу согласились принять все воздушные армии (5-я, 14-я и 37-я), а также подчинённые Москве напрямую дивизии ВГК стратегического назначения и дивизии ВТА. Украине отошло по совокупности более 2 тысяч самолётов, в том числе и 20 Ту-160, 10 из которых через 13 лет за 2 миллиарда рублей каждый будут проданы России. Про силы и части ПВО, железнодорожных, внутренних войск, МЧС и ГО, СПРН, пограничников и говорить нечего.

Очень интенсивно этот процесс проходил и в Крыму. Все СМИ Украины, военная печать начали мощную пропагандистскую кампанию в пользу присяги. В полной мере включились в неё военный трибунал, прокуратура, Служба безопасности Украины (СБУ), Минобороны Украины и т. д. По моему городскому телефону, который должен знать лишь строго ограниченный круг лиц, постоянно шли анонимные звонки: “Когда ЧФ начнёт принимать присягу? Или...” – далее шли угрозы. С беспокойством звонили командиры военноморских баз в Евпатории и Феодосии, командир 126-й мотострелковой дивизии из Симферополя, командир 14-й дивизии подводных лодок из Балаклавы, комбриги из Измаила, Николаева, комдивы из Очакова, Керчи, Черноморского. В Потти происходил схожий “грузинский беспредел”. У всех обращавшихся были вопросы: “Что предпринимать? Какие приказания из Москвы?” А приказаний не было никаких – полный коллапс власти.

Переприсягание обеспечивали депутаты ВС Украины, руководители местных органов власти, представители Минобороны, Союза офицеров Украины и СБУ, быстро сформировавшийся националистический идеологический аппарат при участии милиции, ОМОНа и, естественно, СМИ. Всё это оказывало на офицеров и их семьи громадное психологическое давление, устоять перед которым было сложно, тем более что официальная российская сторона молчала.

Никто никогда (ни тогда, ни позже) задач по сохранению флота мне не ставил, ни на что не подбивал, наград не сулил, взаимодействия не предлагал. Меня вообще никто ни к чему не призывал. Я просто и представить себе не мог, что у России не будет Черноморского флота, оваянного славой, с его вековой историей, традициями. Россия оказалась на пороге очередной национальной трагедии и унижения. Напомню, что во время гражданской войны ни бывшие офицеры Императорского флота, ни революционные матросы не допустили подъёма на кораблях украинских флагов.

Необходимо было решение, и я его принял, объявив 4 января, что ЧФ — российский, что он подчиняется Е. Шапошникову, командующему ВМФ В. Чернавину, а по его судьбе необходимо политическое решение, для достижения которого мы готовы взаимодействовать с Минобороны Украины. Моряки выполнили мой приказ: “Не принимать украинскую присягу”. Первой об этом поведала миру американская “Нью-Йорк таймс”. Начиная с этого момента, я стал получать из России сотни и даже тысячи телеграмм поддержки от простых людей, живущих в разных её уголках, но ни одной — от российских руководителей.

В одиночку вынужден был продолжать защищать части и корабли флота от их захвата силами Минобороны Украины, а также от действий украинских спецслужб и местных властей, постоянно получавших указания давить на нас. К концу января, согласно несложным подсчётам, уже 18 украинских государственных структур работали против нас. По всем этим эпизодам я делал протестные заявления. Сколько их было! Тем не менее, я с пониманием относился и к тем, кто изъявлял желание принять украинскую присягу и служить в ВС Украины. А где им ещё оставалось служить? Всех их я не мог обеспечить работой, деньгами и довольствием.

Руководству России продолжали идти телеграммы, так как за летние месяцы в отношении нас было совершено несколько серьёзных провокаций, связанных с угонном корабля, захватом комендатуры Севастополя и т. д. В таком противостоянии было важно если не продемонстрировать, то, по крайней мере, обозначить офицерам и всем моим сослуживцам российское участие в наших делах. Я высылал представления к очередным офицерским и адмиральским званиям, подчас на ступень выше занимаемой должности, награждал офицеров российскими орденами, производил перемещения офицеров-черноморцев внутри всего ВМФ, участвовал в учениях в России, летал на Военные коллегии МО СНГ, Военные советы ВМФ, приглашал на флот депутатов Верховного Совета России. Мы несколько не изменили систему подготовки флота и его деятельности: обеспечивались циклы БП, подведения итогов, соблюдался график отчётности, как и ранее, что придавало людям уверенность. И надо сказать, что главком ВМФ адмирал флота В. Н. Чернавин очень помогал в этих вопросах. И встречи, встречи, встречи, чтобы заставить Б. Н. Ельцина принять нужное решение. Было непросто.

В общении с товарищами по службе, населением я строго следовал принципам прозрачности, гласности, аргументированности моей позиции. На этих же принципах вёл диалог с украинской стороной и средствами массовой информации, делал многое иное, что сейчас в военных кругах нередко называют информационной войной. Тогда это была война нервов. Одновременно старался по возможности решать все социальные вопросы моряков, подавая личный пример в служебных делах.

В последовавшие за моим приказом дни, то есть после 4 января 1992 года, офицерский состав флота проявил высочайшую мудрость, выдержку, интеллект, государственное понимание важности сохранения ЧФ для России. Офицеры полностью контролировали обстановку на кораблях и в частях, пресекали любые экстремистские действия националистических элементов, во многих моментах противостояли Службе безопасности Украины, которая изо всех сил пыталась переломить ситуацию в свою пользу. В эти трудные дни я много ездил по частям флота, выступал перед моряками, напоминал героическую историю Краснознамённого Черноморского флота. Никто во время таких моих выступлений не решался вступить со мной в публичную схватку. Я понимал: слабо!

9 января 1992 года я выступил в Верховном Совете Украины в явно недружественной мне аудитории. Во время выступления завязался спор с президентом Украины о флоте. Этот спор заставил меня ещё настойчивее ставить перед маршалом авиации Е. Шапошниковым вопрос о необходимости моей встречи с Б. Ельциным.

17 января 1992 года мне удалось изложить видение ситуации в Кремлёвском дворце съездов в присутствии 6 тысяч российских генералов, адмиралов и офицеров. Помню, когда я шёл к трибуне, все встали и приветствовали стоя.

В конечном итоге, старания мои увенчались успехом. 29 января 1992 года в Новороссийске наша встреча с Б. Ельциным состоялась. На ней присутствовали Е. Шапошников и В. Чернавин. Выслушав меня, президент согласился с моими доводами, но в последующие дни в плане нашей юридической поддержки ничего сделано не было. Когда информация о нашей встрече в Новороссийске дошла до Л. Кравчука, он тут же связался со своим российским

коллегой и предложил ему убраться с Черноморского флота. Б. Ельцин это требование не удовлетворил.

Несмотря на все принимавшиеся меры, угроза потери флота сохранялась. Прошёл февраль – ситуация если и менялась, то только в худшую сторону; шла борьба в одиночку, но при полной поддержке моей позиции личным составом флота. Март, апрель – то же самое. Правда, в апреле обозначились первые робкие попытки переговоров, позже сорванные украинской стороной.

Понимая, что тема флота для государственных структур Украины может быть всё же снята, я решил эту тему для Украины “утяжелить”, а именно поднять вопрос законности передачи Крымской области в состав Украинской ССР. Для этого 6 января я позвонил доктору военно-морских наук, профессору, лауреату Государственной премии России вице-адмиралу К. Сталбо, который с большой активностью включился в работу.

20 мая 1992 года я был приглашён в Верховный Совет РФ на беседу к председателю ВС Р. Хасбулатову. В ходе обстоятельного разговора удалось убедить его оказать поддержку личному составу флота, который стоит и будет стоять за Россию. Забегая вперёд, скажу, что в дальнейшем спикер парламента не раз поддерживал меня и словом, и делом. На следующий день я принял участие в заседании ВС РФ на тему “О незаконности акта 1954 года о передаче Крымской области в состав Украины”. В качестве основного докладчика выступил депутат, капитан 1 ранга Е. Пудовкин. Хотя эта тема была не совсем по ЧФ, тем не менее, ещё раз депутаты бурно приветствовали меня, а акт почти единогласным решением признали незаконным.

Постепенно Минобороны Украины, очевидно, разуверившись в старой тактике, нарабатывало новые формы по захвату флота, предполагавшие мой арест с последующим выдворением, принятие санкций в отношении членов моей семьи и даже штурм штаба флота. Пришлось предпринять немало контрмер, чтобы эти планы не реализовались, а ситуация не вышла из-под контроля. До самого своего отъезда из Севастополя я держал флот в руках, сохранив всю его инфраструктуру, командные пункты, штабы и... перспективу. По-прежнему у нас шли ежедневные встречи, в ходе которых анализировалась ситуация, потоком ехали гонцы из Киева... и никого из Москвы.

В конце марта В. Чернавин попробовал помочь – попытался сформулировать официальную российскую позицию по ЧФ, но тут же получил жёсткую отповедь от Л. Кравчука, обвинившего адмирала в попытках вмешательства во внутренние дела Украины. Украинский президент также понимал, что затяжка времени не в его пользу, что в России руководители могут пробудиться от латаргии и начать действовать так же напористо, как его сторона. Осознав неэффективность действий всех своих структур по приватизации флота в условиях бездейственности на этом поприще соответствующих российских госструктур, он сменил тактику и 5 апреля 1992 года издал Указ о взятии ЧФ под свою юрисдикцию. Указ готовился заранее, поскольку уже в тот же день в Севастополь прибыла огромная делегация украинских госчиновников и военных в сопровождении двух отрядов спецназа. Для встречи с этой огромной делегацией меня пригласили в администрацию города. Представители Киева начали настойчиво и дружно уговаривать передать флот Украине. Я занял твёрдую позицию и заявил личному представителю украинского президента В. Дурдинцу, что не в моей компетенции вести переговоры о передаче флота. Он спросил, кто правомочен. Я назвал Чернавина.

Тут же украинская команда дала телеграмму Чернавину: прибыть в Севастополь. По прибытии первое, что потребовал от него Дурдинец, – это убраться Касатонова. Российское руководство не то чтобы хотело во что бы то ни стало видеть меня на посту командующего ЧФ, но оно не могло принять такой ультиматум от В. Дурдинца. В Москве сделали определённую паузу, а Чернавин занялся подготовкой соответствующего указа Б. Ельцина. 7 апреля вышел Указ президента России о переходе Черноморского флота под юрисдикцию России. Словом, указ на указ.

Не могу не сказать с иронией, что выбор указа, который надо было выполнять, был за мной. Но через сутки, одумавшись, оба президента отменили свои указы, договорившись о моратории, чем крайне разочаровали украинскую делегацию в Севастополе. С принятием моратория все её члены разъехались, а я опять остался один на один со всем украинским национализмом.

Тем не менее, принятие моратория привело и к определённым положительным сдвигам: после стычек и столкновений начал налаживаться переговорный

процесс. Для участия в переговорах была сформирована делегация России – сначала во главе с выдающимся дипломатом Ю. В. Дубининым, затем с Ю. Ф. Яровым, заместителем председателя Верховного Совета РФ. Но из-за известных условностей переговорный процесс шёл крайне трудно и неповоротливо. И только 23 июня, после включения в него представителей общественности и госструктур России, в Дагомысе руководители России и Украины подписали Соглашение между Российской Федерацией и Украиной о дальнейшем развитии межгосударственных отношений. В статье 14 президенты двух стран согласились на договорной основе использовать существующую систему базирования Черноморского флота и материально-техническое обеспечение.

3 августа 1992 года в Ялте Б. Ельцин и Л. Кравчук, министры обороны, иностранных дел, госимущества и других профильных министерств и ведомств подписали Соглашение о принципах формирования ВМФ России и ВМС Украины на базе ЧФ бывшего СССР. Тем самым президент России гарантировал обеспечение гражданских, политических, экономических и социальных прав военнослужащим российского ЧФ. Эти два соглашения и стали основой для решения его судьбы.

Теперь все действия, касающиеся флота, оказались в рамках переговоров договаривающихся сторон. Проблема ЧФ, наконец, вышла на президентский уровень, все эти процессы стали легитимными и государственными. Для меня было особенно важно, что российские моряки-черноморцы с этого момента стали юридически защищёнными.

Далее в ходе переговорного процесса решалась судьба отдельных кораблей и частей ЧФ, но это уже составляло предмет искусства переговорщиков, их умения использовать свои преимущества, достигать компромисса и проявлять добрую волю. Таким образом, Черноморский флот – единственный из 34 высших объединений и соединений ВС СССР, дислоцированных на Украине, – остался за Россией со своей славной историей, знамёнами, военноморскими флагами, незапятнанный переприсяганием на верность новым хозяевам. И в этом были мои немалые усилия, чем очень горжусь. Однако с началом переговорного процесса Украина не отказалась – вне его рамок – от попыток самостоятельного захвата отдельных частей флота. До убытия из Севастополя на новое место службы в Москве я отстаивал два высших военноморских училища, в которых обучалось около 3 тысяч курсантов. Это была мощная российская военная группировка. В ответ на провокации украинских военных я подготовил и провёл широкий праздник – День Военно-морского флота РФ с демонстрацией максимального количества российских и военноморских флагов, чему предшествовали три генеральные репетиции. Это было сделано так, чтобы все севастопольцы, все россияне видели, что Черноморский флот, несмотря ни на что, остался верным России.

Одновременно приходилось решать проблемы ЧФ вне Крыма – обеспечить эвакуацию беженцев с Кавказа (40 305 человек) в рамках операции под названием “Кавказ”, принимать участие в организации встречи Ельцин–Шеварднадзе–Ардзинба и т. д.

Согласно Ялтинскому соглашению, приказом министра обороны Российской Федерации от 30 сентября я был всё-таки переведён для дальнейшего прохождения службы в Москву на должность первого заместителя главкома ВМФ России. В Москву прибыл 8 декабря 1992 года с чувством выполненного долга в качестве командующего Черноморским флотом. Дальше все командующие ЧФ стали назначаться президентом России с согласия президента Украины, при этом они находились под защитой президента РФ, а все их последующие действия по защите флота регламентировались рамками заключённых соглашений и договорённостей. Так Дагомыское и Ялтинское соглашения стали действующей основой договорно-правовой базы ЧФ.

Последние 23 года я занимался проблемами флота и Севастополя в закрытом и открытом режимах. При этом многократно убеждался в том, что если бы черноморцы дрогнули и не поддержали меня в 1992 году, то уже давно в Севастополе сидели бы натовцы и продолжали своё “расширение на восток”. Все эти годы в Севастополе и Крыму поддерживался русский дух, уверенность у жителей полуострова, что Россия обязательно вернётся! В Одессе, где Черноморский флот не стоял, этого добиться не удалось.

В завершение хотелось бы вспомнить слова вице-адмирала В. А. Корнилова, погибшего при первой обороне Севастополя (1853–1856 годы): “Отстаивайте же Севастополь...”!